

# Аристарх Ливанов: "Я сам себя спас, сам себя сделал и увидел"

**- АРИСТАРХ, я знаю, что вы не родственники с Борисом и Василием Ливановыми. Кто ваши предки? Из какой вы семьи?**

- Все-таки мы с Василием Борисовичем выяснили, что наши прадеды из одной деревни, где были все Ливановы. И на том мы поставили точку - дружим домами, семьями, и у нас это хорошо получается. В моей семье как бы сфокусировалась вся история нашей родины. Дед по линии отца, Аристарх Павлович Ливанов, в честь которого я назван, - протоиерей, в 1937 году был репрессирован. Дед с материнской стороны был членом ЦК РКП. Известен факт, когда ивановские ткачи ездили во время гражданской войны на Украину, чтобы обменять мануфактуру на продукты, и командовал этим эшеленом мой дед Тимофей Новожилов, а Фрунзе у него был заместителем.

Мой отец был актером Саратовского театра имени Карла Маркса до войны. Потом ушел добровольцем, ему нельзя было этого не сделать: он был сыном врага народа и отсиживаться в тылу не мог. Мать окончила Киевский институт физкультуры, вместе с дипломом ей вручили погонны лейтенанта, и с первого дня она оказалась в действующей армии в госпитале, куда в конце войны попал мой отец. Там они познакомились. Недавно мои родители отметили 50-летний юбилей совместной жизни.

**- Вы выпускник нашего Театрального института?**

- Я закончил ЛГИТМиК в 1956 году. Это был последний зоновский набор. В следующем году Зон умер, и с нами занимались такие мастера, как Карасик, Гиппиус. В 1969 году я с большой группой молодых актеров поехал открывать в Волгограде ТЮЗ. Первым актером, который вышел на сцену этого театра, был я - в роли Кости Белоуса, комсомольского вожака-морячка в "Городе на заре". Работал в Рязани, в Ростове-на-Дону, где за роль Мелехова получил Госпремию, в Таганроге. А в



Москве стал работать в трех театрах сразу. В Театре Моссовета играл Сальери в "Маленьких трагедиях", а князя Мышкина - в Театре Советской Армии. И уже начал работать во МХАТе. Играл Барона в "На дне", Тузенбаха, Плюшкина.

Сейчас во МХАТе вместе с Татьяной Дорониной играю в спектакле "Старая актриса на роль жены Достоевского" в постановке Романа Виктюка. Скоро будет сотый спектакль.

**- А кстати, как вы относитесь к творчеству Виктюка?**

- В последние годы, мне кажется, он ставит все время один и тот же спектакль с одними и теми же актерами, про одно и то же. А если говорить о его давних постановках, таких, как "Царская охота", спектакле, в котором я сейчас занят, - тогда он репетировал его месяц, а по 9 месяцев, по полтора года, потому что ему нужно было завоевать право считать я режиссером. Высокого московского уровня. Он должен был каждый

раз биться всерьез, отстаивая право ставить спектакли в лучших московских театрах, с лучшими труппами.

А просто быть странным и не походить ни на кого другого - это не самое главное, что должно окрылять человека и держать на этой земле, давать ему вдохновение. Задача оригинальничанья, которую ставит перед собой Виктюк, всем уже изрядно поднадоела.

**- Образ, который вы создаете в кино, - образ антигероя - вам близок? Вы его играете с охотой или что-то преодолеваете в себе?**

- Но я играю не только антигероев, их у меня ровно половина, я как-то посчитал. А почему у меня выходят лучше антигерои? В начале съемок "Государственной границы", когда было положено белых офицеров красить черной краской - если они были мерзавцами, то уж отплетыми! - я и тогда, несмотря на все предписания, играл человека человеком. "Когда

играешь злого, ищи, где он добрый..." Вот эта хитрость мне и удалась. Может быть, впервые в истории нашего кинематографа я, исполнитель отрицательного персонажа, получил премию ВЧК-КГБ. То есть высшее руководство этой конторы признало успех мой в этой роли, и я наряду с исполнителями ролей героев положительных

в Ростове-на-Дону и который позволил мне укрепиться в своей профессии, почувствовать себя художником. Затем у нас с Ереминым был знаменитый спектакль в Театре Советской Армии, где я играл около 5 лет Мышкина. Впервые в истории этого театра на станции метро "Новослободская" спрашивали билеты, записывались с ночи, был большой ажиотаж. Затем Еремин ушел из театра. Я пока там еще оставался, ждал, что он меня позовет. Вероятно, так бы и случилось, но Дорониной нужно было усилить ее половину МХАТа, и то количество и качество ролей, которые были ею мне предложены, меня устроили. Но рядом с Ереминым я не могу никого поставить. Не помню человека, который произвел на меня такое глубокое впечатление, как он.

**- А в кино?**

- Мне не очень везло на режиссуру вообще. И ничего не оставалось делать, как защищаться. Если бы я был послушен, как пластилин, то, побывав в таком количестве театров, я бы превратился в уродца - а я сопротивлялся, и это определяет мой профессиональный облик и творческое самочувствие. Я сам себя спас, сам себя сделал и увидел.

**- Вас приглашают снимать за рубежом?**

- За границей я снимался в наших картинах. В Германии, Южной Корее, Сирии. В Афганистане во время войны я снимался в фильме "Человек, который брал интервью", играл журналиста Каверзнева. К фильму было очень странное отношение: КГБ не знал, то ли поднять его на щит и сделать меня лауреатом всевозможных премий, то ли положить его на полку, чтобы его никто не видел. В итоге решили его никому не показывать. Поэтому фильм никто не видел.

**- А как завязалась ваша дружба с гитарой?**

- Тоже благодаря Еремину, который, зная, что я могу петь, придумал спектакль по пьесе Леонида Жуховицкого "Орфей". В этой пьесе мой герой Тишков, доморощенный бард, выходит из подворотни на люди, становится знаменитым, в нем рождается художник. Слава подвергает его многим испытаниям, наступает пресыщение, когда он становится немодным, никому не нужным. И он рождает песню, продиктованную болью сердца, и выходит на иной уровень - рождается личность. Для этого спектакля было написано 15 песен, и они легли в основу моего владения гитарой. Сначала я их исполнял кривовато, потом пришла легкость. С тех пор я с гитарой не расстаюсь.

**Евгений ШВЕДОВ**

Фото Максима НАТОРХИНА